

ДОТЯНУТЬСЯ ДО РУССКОГО НЕБА

Автор: Сергей Козлов
Иллюстрации: Николай Лет

В такую ночь, кажется, вся Вселенная открывается. Глянешь в небо, и голова кружится. Звезд высеяно – и больших и малых – цветов разных и сияний всяких. И все это не просто мерцает-светит, а еще, вроде как, дышит, движется что-то там. Будто в механизм часов Господа Бога заглянул. Вращаются шестеренки галактик, цепляют друг друга, и сияет весь этот мудреный мир какой-то удивительной радостью творения. Сияние передать можно, движения отдельные описать, а объема не передать. Слов не хватит, потому как дух захватывает. И никакого чувства хаоса, напротив – размеренность и предначертанность во вселенском устройстве. В глазах рябит... Но важно – увидеть ту главную звезду – Вифлеемскую. Ночь-то рождественская... А на земле топчется с ноги на ногу всего-навсего брэнное тело, запрокинув голову в чарующее ночное небо, душа же будто соединилась невидимым лучом со всей этой звездной кутерьмой. И скользит душа по лучу, и теряется в мириадах миров, в завихрениях туманностей, и непонятно, то ли она за взглядом, то ли взгляд за ней едва поспевает. Ночь же пронизанная, будто примороженная, а не привороженная даже вселенской тайной ширится и объемлет маленький человеческий мир, наполняя его чудесами для тех, кто умеет видеть и слышать небо. Для тех, кто очень в них нуждается, для тех, кому в эту ночь не хватает любви и заботы.

Вдруг две маленькие, как крупинки, звезды сорвались с разных частей неба и ринулись вниз по наклонной к центру горизонта территории, столкнулись на середине пути и превратились в небольшую, но очень красивую вспышку.

– Вау! – воскликнул Ильяс, который никогда ничего подобного не видел. – Вау, – повторил он, как человек современный, и добавил, как учил его дед: – Хвала Аллаху, господу миров!

Несмотря на свое бедственное состояние, Ильяс не мог не восхититься увиденным. Он даже забыл, что смотрел в ночное небо от великой печали. Идти ему в этом чужом северном городе было некуда, даже добраться до аэропорта, где можно было встретить земляков, и получить хоть какую-то помощь было не на что. Можно было радоваться, что прораб, выгоняя его с работы накануне праздника, милостиво швырнул ему хотя бы паспорт. И чужой город, сияющий не только окнами и огнями реклам, но и огромными белоснежными сугробами, никуда не звал его. Поэтому у Ильяса появилось время смотреть в небо. Много времени... А обида шептала ему, что теперь он вправе забрать честно заработанные деньги там, где они плохо лежат. Надо только хорошо подумать. Найти такое место или такой карман. И пусть потом кто-нибудь другой рассказывает про кризис и про то, что хозяин стройки вдруг разорился...

– Вы тоже это видели? – фразу произнес мужчина, который будто из-под земли вырос рядом.

Прежде чем ответить, Ильяс внимательно посмотрел на него: статный, седой, без головного убора, в длинном черном пальто и дорогих лаковых ботинках... Явно из тех, кто не думает, из какого кармана достать деньги. Точнее – электронную карточку.

– Видел, – сухо ответил Ильяс.

– Мне кажется, вас что-то печалит, раз вид такого удивительного неба не радует вас, – вкрадчиво и очень вежливо предположил мужчина. Но именно эта вежливость раздражала Ильяса. Более того, он из-за нее мог считать себя хозяином положения.

– Вы у каждого гастарбайтера спрашиваете, как у него дела? – иронично поинтересовался Ильяс.

– Нет, конечно, я редко бываю на улице.

– Много работаете? Офис-мофис?

– Не только поэтому, – уклончиво ответил мужчина и вдруг представился и протянул руку: – Меня зовут Илья Сергеевич.

– Ильяс, – он вынужден был протянуть руку в ответ.

– Ух ты, – удивился мужчина, – мы тезки. Просто у вас вариант арабский.

– Ну да... – сам удивился Ильяс и позволил себе немного оттаять.

– Так в чем же ваша проблема? – участливо спросил Илья Сергеевич.

– Мировой финансовый кризис, – начал издали Ильяс, но Илья Сергеевич не дал ему договорить и задал другой вопрос.

– Вы очень хорошо, почти без акцента говорите по-русски. А возраст... Ну вы точно не в СССР родились.

– Точно. Просто у меня отец был учителем русского языка. Его Ильхом зовут. Он был очень хороший человек.

– Был?

– Да, он умер.

– Извините.

– Ничего. Он давно умер. Я старший сын, должен заботиться о семье, и вот я приехал сюда, а тут

случился этот проклятый кризис.

– Вам не заплатили и выставили на улицу в рождественскую ночь, – догадливо продолжил Илья Сергеевич.

– Точно.

– М-да... Не по-христиански...

– Да это вообще не по-каковски!.. – дал волю возмущению Ильяс. – Я просил денег хотя бы на билеты!..

– Вы позволите мне помочь вам? – перебил его Илья Сергеевич.

– Позволить? – переспросил Ильяс. – С чего бы вам это делать? – Он посмотрел на Илью Сергеевича с таким недоверием, что тот очень смутился.

– Беда нашего времени в том, что мы уже перестали доверять добру. Это страшно, – печально сказал куда-то себе под ноги Илья Сергеевич. – Мы в добре видим подвох! Последние времена... Явно последние... Но, – оживился он вдруг, – в рождественскую ночь должны происходить чудеса. Должно совершаться добро. Понимаете?

– Понимаю, – криво ухмыльнулся Ильяс, – прораб так и сказал: с Рождеством тебя, чурка...

– Не обижайтесь на него. Он просто недалекий человек. Вы ведь тоже как-то между собой называете русских?

– Валенки... иваны... – начал вспоминать Ильяс. – Кляты мурики! – это хохлы так говорили, которые с нами работали.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Илья Сергеевич. – Знаете, моя соседка Валентина Петровна – очень добрая старушка, она приготовила мне рождественского гуся, есть немного вина... Сама она побежала на службу в храм.

– А вы? – спросил Ильяс. – Вы не пошли в храм? У вас же праздник... Мы Ису почитаем как пророка.

– Если Христос узнает, что я вместо того, чтобы пойти на службу, помогал человеку, Он не обидится.

– Даже если этот человек мусульманин?

– Человек – вот главное. Пойдемте ко мне, – запросто предло-

жил Илья Сергеевич, – через Интернет можно заказать вам билет на самолет...

– Вы что – дадите мне денег?

– Конечно, вы же вернете, – удивился недоверию Илья Сергеевич, – вы же тезка. Разве не так?

– А-эм... – Ильясу вдруг стало стыдно, он увидел этого пожилого статного мужчину насквозь. Илья Сергеевич располагал к себе без всяких объяснений, просто потому, что был добр от природы. Ильясу стало стыдно, что он отнесся к нему с недоверием.

– Какое удивительное, какое глубокое и какое насыщенное сегодня небо, – Илья Сергеевич восхищенно шептал, запрокинув голову. – У ангелов много работы.

– Вы в это верите? – Ильяс тоже обратил взор к небу.

– Ну... У меня даже выбора нет.

– Как это нет?

– Ну... у каждого человека есть данный Богом выбор: верить или нет. А у меня нет. Я просто верю и все.

– Вы что, их видели, – грустно улыбнулся Ильяс.

– Как вас, – спокойно ответил Илья Сергеевич. – Понимаю, – опередил он недоумение гастарбайтера, – я выгляжу, как сумасшедший. Очень жаль...

Ильясу снова стало стыдно. Он вспомнил, что в Фергане его ждут младший брат и младшая сестра, ждет бабушка, ждет Чинара... Младшие тоже верят в чудеса, от этого они немного счастливее, чем Ильяс, чем бабушка, вся жизнь которой это только труд и ничего более. И вот Ильяс не сможет сделать для них маленькие чудеса: хотел всем привезти подарки. А теперь стоит под холодным сибирским небом, пялится в него вместе с добрым, но явно сумасшедшим пенсионером, которого сначала принял чуть ли не за олигарха. Странные и разные эти русские. Были такими большими и сильными, и что с ними стало? На что они себя растратили? Почему половина русских продолжают считать себя великим народом, а другая половина спивается и за-

искивает перед Западом? Какая половина победит или останется? Или, как говорил мулла, через какое-то время русских останется столько, что можно будет просто прийти на то место, где они были. Они с настороженностью смотрят на нас, мы – на них. Отец говорил, что когда-то у него был русский друг, и этот друг был самым верным. Но его убили на улицах Ферганы... За то, что он был русским. А здесь – на этой улице – запросто могут убить Ильяса. Но вот стоит пожилой мужчина, и в глазах его светится добро. У него серые глаза... А у Чинары – голубые. Удивительное сочетание. Сама она бронзовая, волосы – бархатная смоль, а глаза – голубее неба! Может, где-то в прадедах у Чинары есть вот такой сероглазый Илья Сергеевич. У него, наверное, в юности глаза тоже были светлее и ярче, но потом их затянуло пеленой прожитых лет. У отца были такие же... Уже не карие, а похожие на пересохшую почву.

– Я верну вам деньги. Прорабу все равно придется с нами рассчитываться. У нас все было по закону. Договор, карточка миграционная... Хотите посмотреть мой паспорт?

– Зачем? Чтобы поверить? – улыбнулся Илья Сергеевич. – Не надо. Мы не в банке.

* * *

Квартира Ильи Сергеевича оказалась маленькой, но уютной. Две комнаты и кухня, стены которых превращены в стеллажи для книг. Тут не нужны ни водоэмульсионка, ни обои – тут со всех сторон корешки книг. Даже на кухне есть книжная полка.

– Вы все это читали? – восхищенно спросил Ильяс.

– Нет, очень хотел бы, но просто не успел и уже не успею.

– Отец тоже много читал... На русском... – шагая вдоль стеллажей, Ильяс нечаянно налетел на инвалидное кресло-каталку, которое стояло у кровати в спальне. – Извините, зазевался.

– Да ничего страшного. У меня как раз к вам просьба. Поможете?

– ? – обратился во внимание Ильяс.

– Хочу передвинуть кровать к окну. Там хоть и дует, но зато видно небо.

– Конечно, помогу. – Ильяс тут же взялся с одной стороны за спинку кровати. – Туда двигать?

– Туда.

Они быстро и легко переставили кровать, как просил Илья Сергеевич.

– Ну, а теперь нас ждет гусь, которого запекла Валентина Петровна. Очень добрая у меня соседка. Очень. Если б не она, я, наверное, с голоду бы умер. Прибирает, готовит, стирает... Как за ребенком за мной смотрит.

– Моя бабушка тоже помогает одинокому соседу, – добавил Ильяс.

– Время такое. Все торопятся. Пожилые люди предоставлены сами себе.

– У нас не так. Мы уважаем старших, – твердо возразил Ильяс, – а соседу бабушка помогает не потому, что его дети бросили или мало ему помогают, а потому что ей самой так хочется.

– Ну и слава богу, – улыбнулся Илья Сергеевич. – Вы немного вина выпьете или ислам запрещает?

– Немного можно. Ночью Аллаха не видит, у меня друзья так шутят. Они современные люди.

– А вы, Ильяс?

– А я?... Не знаю... – Ильяс по-прежнему бродил вдоль книжных стеллажей и все больше думал об отце. После его смерти книги вынесли в сарай. Старые книги с пожелтевшими страницами. На место книжных шкафов поставили современную мебель, новенькую аудиоаппаратуру. Удачная халтура в Москве тогда подвернулась. Строили торговый центр. Да, странная нынче экономика, – подумал Ильяс, – магазины строим, а заводы не строим. Что будет продаваться в магазинах?

Илья Сергеевич между тем включил компьютер и стал искать в Сети заказ авиабилетов.

– А вы кем работаете или работали? – спросил Ильяс.

– Я писал книги для детей.

– Писатель?

– Ну... можно так сказать.

– И много написали?

– Как посмотреть. Ну... вон... на той полке...

– А почему для детей? Детей любите? – Ильяс развернул одну из книг, бесцельно полистал.

– Люблю. Как же детей не любить. Они же ангелы.

– О! У меня младший брат такой ангел, – усмехнулся Ильяс, – шайтан, а не ангел. Только и успеваю его из неприятностей всяких вытаскивать. – Он подошел к столу, за которым сидел Илья Сергеевич, и увидел фотографию в рамке: молодой Илья Сергеевич с красивой женщиной и двумя мальчиками. Скорее всего, погодками. У женщины были голубые глаза, как у Чинары. Не голубые даже, а почти бирюзовые. Но женщина была блондинкой.

– Это ваша семья?

– Да.

– Они куда-то уехали.

– Да. – Илья Сергеевич неотрывно смотрел на экран ноутбука.

– На нем пишете?

– Ага, если Валентина Петровна не против.

– Как не против? – удивился Ильяс.

– Она за моим режимом следит. Чтобы не переработал.

– А-а-а...

– Ну вот, билет на завтра, до Ташкента. До Ферганы от нас не летают.

– Ничего, там я доберусь. – Ильяс стоял рядом, покусывая нижнюю губу в нерешительности, ему хотелось сказать что-нибудь очень теплое Илье Сергеевичу, но он не находил слов, да и не решался.

– А сейчас – за стол! Полночь скоро, праздник. Сейчас начнут запускать фейерверки. Те, которые от Нового года остались. Глупо у нас в стране получается. Рождество после Нового года...

– Илья Сергеевич, – наконец-то решил Ильяс, – я обязательно верну вам все деньги. Может, не сразу, но обязательно верну. Вы хороший человек. Таких сейчас не бывает. Мой отец был таким...

– Это самые лучшие слова, которые ты мог сказать мне, – Илья Сергеевич опустил взгляд, потому что на глаза у него навернулись слезы.

– Я верну. Правда.

– Я знаю. Пойдем за стол. Думаю, тебе лучше приехать сюда уже в апреле. Кризис-то надуманный. Все уляжется. Весной работы будет больше.

– Я так и поступлю. Вы хоть и сумасшедший, но мудрый, – улыбнулся Ильяс, – простите...

– Да ничего.

– Я просто думаю... Вот как на вас со стороны посмотрят. Подобрал какого-то первого встречного на улице, нерусского, да еще дал ему кучу денег на билеты...

– Ах! Чуть не забыл! – спохватился Илья Сергеевич. – Вот, – он взял с полки книгу и вынул конверт, который лежал между книг. – Тебе нужны будут подарки твоим близким... – И торопливо упредил недоумение, от которого Ильяс потерял дар речи: – Бери-бери. Здесь не так много. Гонорар за последнюю книгу. Тебе сейчас нужнее. У меня еще пенсия. И Валентина Петровна. Бери же...

– Что скажут ваши близкие?.. – Ильяс покосился на фотографию.

– Ничего не скажут. Точно.

– Храни вас Аллах! – теперь уже на глаза Ильяса выступили слезы.

– И тебя храни Бог, – улыбнулся Илья Сергеевич. – Пойдем, если мы сейчас не съедим гуся, Валентина Петровна будет меня с самого утра ругать. Там еще и пюре... А вино у меня крымское. Настоящее. Каберне. «Массандра». Друзья прислали.

Они просидели до самого утра. Запеченный гусь с золотистой корочкой, пюре, зелень и красное вино окончательно расположили их друг к другу. Ильяс рассказал о своей семье, о Чинаре. О том, что они мечтают пожениться, но нужно заработать десять тысяч долларов на свадьбу. Меньше не получится. Нет, калым теперь уже пережиток. Калым, может быть, у богатых. Простые люди хотят счастья сво-

им детям, и так же, как в России, родители жениха и невесты складываются на свадебные расходы. Но свадьба обязательно должна быть пышной. Шумной. Гостей должно быть много. И должны быть важные, именитые гости. А Чинара... Она такая стройная и немного высокая. Как немного высокая? Ну... немного выше, чем принято. Кем принято? Откуда стандарты? Ну, на Западе она была бы топ-моделью, а на Востоке надо быть чуть меньше... Чуть-чуть... Может, поэтому на нее еще никакой олигарх-бай глаз не положил...

Илья Сергеевич в основном слушал, спрашивал и задавал такие вопросы, что Ильясу самому было интересно на них отвечать. И когда Ильяс хотел задать какой-нибудь свой вопрос, хозяин дома опережал его на долю секунды, и приходилось уступать старшему. После семейных историй Ильяс рассказывал о древнем Самарканде, Коканде, об Улугбеке и его деде – хромом Тимуре. О том, какой красивый весенний праздник Навруз... За беседой они даже не заметили, как пролетело время, и когда зазвонил телефон (диспетчер сообщила, что такси ждет у подъезда), они с удивлением заметили, что за окном огромными хлопьями летит снег. Весь мир удивительно обновился.

– Русская зима, настоящая, пушистая... Я в Европе работал, там нет такой, даже если есть снег, – сказал Ильяс.

– Да, – согласился Илья Сергеевич.

– Вы мне забыли дать свой мобильный телефон.

– Ах да, – смущенно спохватился Илья Сергеевич, как будто и не собирался этого делать.

Он черкнул на блокнотном листе цифры, имя и протянул его Ильясу.

– Если долго не буду отвечать, значит – в больнице, – пояснил он.

– Я все равно приеду и отдам долг. А они, – Ильяс неопределенно кивнул за окно, – отдадут мне. Я полгода не за «доширак» работал.

Когда Ильяс вышел из подъезда на улицу, он оглянулся, надеясь, что его новый старший товарищ смотрит в окно. Но за стеклом никого не было. Он глубоко вздохнул удивительно свежий воздух и посмотрел на небо, откуда падали вчерашние звезды. Мириады звезд. Ему нужно было сказать несколько слов небу, и он сказал, специально ломая русский язык акцентом:

– Папа, какой тебе большой рахмат за то, что ты заставлял меня учить русский. Какой рахмат, тебе, отец! Принимай гостя лучше, чем собственного отца... – пришла в голову пословица. – Нет, так не бывает, – он еще раз оглянулся на окна Ильи Сергеевича. – Пока есть разум, узнавай людей... – вспомнил он вслух еще одну древнюю пословицу – и сел в такси, за рулем которого оказался его земляк.

– На ташкентский торопишь-ся? – спросил таксист.

– Уважаешь язык, уважаешь народ, – ответил вдруг отцовской пословицей Ильяс, отчего земляк настороженно на него покосился, но потом быстро перевел в понятное для себя русло: – У русской девочки Рождество праздновал?

Ильяс не стал ему отвечать. Спросил, сколько стоит такси до аэропорта. Земляк с широкой улыбкой назвал двойную цену... Как брату, сказал он.

* * *

В этот город Ильяс вернулся, как и говорил ему Илья Сергеевич, в апреле. Даже не потому, что он так посоветовал, а потому что так сложилось. Почти четыре месяца он изо дня в день звонил своему старшему товарищу из далекой Сибири, но телефон был отключен. А потом позвонил тот самый прораб, извинился за грубость в рождественский вечер, сослался на то, что и сам тогда остался без зарплаты, но теперь обещал, что постепенно все выплатят, а бригаду надо собрать снова. Документы для договоров он уже готовит. «Ты же мастер, Ильяс», – уважительно сказал прораб в конце разговора.

Когда Ильяс спустился по трапу на летное поле, он снова увидел снег. Снежинки летели огромными хлопьями, словно вырезанные из салфеток, и падали плашмя на голые бетонные плиты. Было промозгло и зябко, отчего казалось, что сейчас даже по сибирским меркам не апрель, а ноябрь. А дома уже отцвел урюк... По внешним признакам Ильяс заметил, что город уже успел оттаять после долгой зимы, но вот она вернулась снова, будто что-то забыла. «Как они здесь живут?», спросил он сам себя, одновременно задаваясь вопросом о том, что нужно пообещать Абдураимову Ильясу, дабы он согласился провести остаток своих дней в Сибири. Он согласился бы переехать сюда лишь по одной причине: если б здесь жила Чинара. «Чинара – восточный платан, – вспомнил, как над именем его любимой задумался в ту ночь Илья Сергеевич. – Это дерево в Древнем Египте считалось воплощением богини неба Нут». «Красивая богиня?» – спросил тогда Ильяс. «Как небо», – улыбнулся Илья Сергеевич. «У нее золотистые волосы, немного вьются... только глаза голубые», – сообщил Ильяс. «Небо в золотой оправе», – тут же нашелся писатель. Ильяс так и сказал Чинаре при встрече:

ты мое небо в золотой оправе... Ей очень понравилось. «Ты не начал писать стихи?»

И теперь, вспоминая ночной разговор, Ильяс почувствовал, как в душе у него что-то дрогнуло, ему захотелось сделать что-то доброе и значимое для Ильи Сергеевича. Он подхватил сумку и ринулся на стоянку такси. Почти не удивился, что оказался в той же машине, что в январе везла его в аэропорт. Земляк не вспомнил его, потому повторно дал визитку с телефоном (если вдруг понадобится такси) и рассказал местные новости.

У подъезда Ильяс остановился, посмотрел в окна. Они показались ему серыми и безжизненными. Какое-то недоброе предчувствие скользнуло в душу. Потом он долго и настойчиво звонил в дверь, но никто не открывал. Уже собрался было уходить, как приоткрылась дверь напротив и в проеме показалось настороженное лицо старушки.

– Чего шумишь? Видишь, нету там никого...

– Не вижу. Дверь ведь не открывают. А вы – Валентина Петровна, – догадался Ильяс.

– Откуда знаешь?

– Мне Илья Сергеевич про вас рассказывал, а гуся вы готовите замечательно.

– Гуся? Какого гуся? – подпрыгнули седые брови.

– Мы на Рождество с ним ели. Он в храм из-за меня не попал.

– В храм?

– Да, он помог мне очень. Мне надо ему долг отдать.

– В Рождество, говоришь, – прищурила старушка белесые глаза, стараясь внимательнее рассмотреть гостя. – Где он тебя нашел-то?

– На улице, в двух кварталах отсюда. Мы на небо смотрели. Вместе... А потом мы еще кровать двигали...

– Кровать! Ой, господи! Сколько же он меня, дуру старую, присил... Небо хотел видеть. На небо, говоришь, смотрели... очень это на него похоже. А во что он был одет?

– Темное такое длинное пальто. Шарф белый. И ботинки лаковые.

– Ух! – всплеснула руками Валентина Петровна, а потом закрыла лицо ладонями и заплакала.

Ильяс теперь окончательно почувствовал беду и помрачнел. Он не решался ничего говорить, просто стоял и ждал.

– Пойдем-ка, – позвала старушка за собой в свою квартиру. – Как хоть тебя зовут-то?

– Ильяс. Я тезка Ильи Сергеевича.

– Заходи-ко, Ильяс. Заходи. На кухню пойдем, чай будешь?

– Зеленый, если можно.
– Я и сама зеленый уважаю. И Илья Сергеевич любил.
– Почему любил?
– Ты это... ты садись... садись...
По щекам Валентины Петровны теперь уже безостановочно текли слезы. Она и не пыталась их скрывать. Дрожащей рукой зажгла конфорку, поставила чайник. Села напротив.
– Ильяс, послушай, сосед мой умер в рождественскую ночь.
– Когда я уехал? – испугался Ильяс.
– Тут не все просто... Тут чудо, понимаешь?
– Понимаю, он мне про это чудо всю ночь твердил. Говорил, в рождественскую ночь должны быть чудеса.
– Господи!.. – снова всхлинула Валентина Петровна. – Всем соседям я говорила, что он, как праведный Иов. Он ведь не ходячий был, понимаешь?
– Как не ходячий?
– Да так, еще после аварии в восьмидесятом! У него вся семья тогда погибла, а он выжил. Вот только неходячим остался.
– Это... на фотографии?.. Семья?..
– Значит, ты точно у него был, раз фотографию видел.
– Красивая белокурая женщина и два мальчика. И он – молодой еще.
– Оленька, Саша и Володя... Я их всех знала. Илья Сергеевич потому детские книги и писал, что как бы для сыновей. Понимаешь?
– Понимаю, – у Ильяса в горле стоял комок. Такой большой и такой угловатый, что проглотить его было невозможно. Он проталкивал слова еле-еле, где-то по самому краю: – Но ведь он пришел туда сам... Мы видели, как упали две звезды...
– Да верю я тебе. Не поверила бы, никогда бы к себе не пустила. Ты как про кровать сказал, сразу все поняла. Мы же утром, когда пришли его провести, с праздником поздравить, он и лежал на кровати. Долго гадали, кто же передвинул-то. Я-то боялась, что дует от окна.

На пластиковые все денег не хватало. Рамы старые, деревянные, ветер гуляет, а ему простудиться – легко. Понимаешь?
– Понимаю.
– А он все просил. Видеть, говорит, хочу, Петровна, небо... А я, дура старая!
– Он мне денег дал. На дорожку... На подарки...
– Это он, я знаю, – шептала сквозь слезы Валентина Петровна, – он и моему сыну на машину дал. Просто так. Похороните, говорит, только рядом с моими, землю я выкупил. А так, мол, зачем мне деньги. Понимаешь?
– Понимаю, – снова повторял Ильяс, но ничего не понимал, кроме одного – ему почему-то хотелось плакать вместе с этой старушкой.
– А пальто-то... Он тогда в нем и ехал. Гололед был. Из больницы его в этом пальто привезли... В ботинках этих лаковых. И он сказал мне: убери это все. Выброси. А я не выбросила! – Валентина Петровна засеменила к шкафу в прихожей и достала оттуда знакомое пальто: – Берегла! Нафталин, химчистка, гладила... Под полиэтиленом оно висело. Ты не мог этого знать. Понимаешь?
– Нет, – наконец-то сказал Ильяс и заплакал. Он достал из кармана тот самый конверт. – Вот, деньги. Я должен ему отдать. А это, – он достал из большой спортивной сумки огромный букет красных роз, – для его жены. А тут еще зелень, мумие привез, подарки... Я должен ему отдать! Я обещал! Если это был не он, то – кто? Ангел что ли? Он мне все время говорил, повторял – у ангелов в рождественскую ночь много работы. Рассказывал, как ангелы пришли не к царям, а к простым пастухам, потому что у тех не было гордыни... Потому что это радость для всех, а не для сильных мира всего.
– А он и жил, как ангел, – Валентина Петровна вдруг успокоилась, только говорить стала тихо и смиренно, – удивительной доброты был человек. Ему с каждым днем делалось хуже, а он

становился добрее. Другие так обозлятся – почему так со мной, за что? А Илья Сергеевич только добрее становился. Расстраивался лишь последнюю неделю: ребяташки дворовые колядовали, а он на коляске не всегда успевал двери открыть, чтобы конфет им дать... И книжек... Гусь-то правда понравился? – спросила она вдруг как о чем-то очень важном.
– Очень!
– А я переживала. В храме стою, думаю, как он там один...
– Вы мне могилу покажете. Надо цветы увезти. Я такси закажу.
– Да покажу, милый, покажу...
– Может, он в последнюю ночь встал?
– Врачи сказали, что еще до полуночи сердце остановилось. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в небо. И телевизор включенный был за спиной...
– Не, телевизор мы даже не включали. Разговаривали. Долго разговаривали.
– Видишь, не все совпадает...
– Все. Совпадает все. Потому что такого человека больше нет.
– Это точно, – печально согласилась Валентина Петровна. – А еще говорят – чудес не бывает. Он верил.
– Он сказал, что у него выбора нет. Только верить.
– И тебе сказал?
– Сказал... Он говорил, что любовь – это чудо. Что рождение детей – это чудо. Что моя девушка похожа на богиню неба... Поэтично так сказал. Ее Чинара зовут...
– Чинара? – встрепенулась старушка.
Валентина Петровна быстро встала и направилась в комнату, оттуда вернулась с книгой, которую открыла на первой странице, где от руки был автограф.
– Вот, а я тут гадала, кому это. Думала, дереву что ли подписал.
– Я хотел попросить у него книгу на память... Постеснялся...
– Значит, это тебе, – улыбнулась она сквозь слезы. – В руках у него была.
«Чинаре и ее детям. Дотянуться до русского неба», прочитал Ильяс.